

A movie poster for the film 'Жестокый эксперимент' (Cruel Experiment). The central figure is a young woman with blonde hair, wearing a light-colored trench coat, looking directly at the camera. She is positioned in front of a large, antique-style clock with a gold frame. The background is dark and textured, with red, abstract, scribbled patterns. In the top right corner, there is a white circle containing the text '16+'. At the bottom, the title 'ЖЕСТОКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ' is written in large, white, block letters, and the name 'ВЕРА ПОРЕТ' is written above it in a smaller font.

16+

ВЕРА ПОРЕТ

ЖЕСТОКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ

Вера Порет

Жестокий эксперимент

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55913882

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97561-3

Аннотация

Ольга хотела решить финансовые проблемы самым простым способом: отдать свое тело на несколько лет Институту. Огромное вознаграждение с минимумом усилий – о таком мечтали многие. Вежливый доктор обещал, что после пробуждения не останется воспоминаний и здоровье будет в норме. Однако одно воспоминание сохранилось и перевернуло сознание, заставив пожалеть о потраченном времени. И если могущественная организация с легкостью перемелет любую проблему, то простому человеку будет сложно выпутаться из эксперимента, который оказался для него слишком жестоким.

Содержание

1	4
2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вера Порет

Жестокий эксперимент

1

Солнце ослепляет, не дает поднять глаза к небу и посмотреть, есть ли тут птицы. Голубой купол упирается в спокойное море. Есть ли в этом месте какая-то жизнь, помимо той, что скрыта в этих водах?

Держу стакан с оранжево-красным коктейлем. Мне намешали соки ананаса, грейпфрута и каких-то ягод. Странное сочетание кислого и сладкого щиплет язык. А еще там много льда, который делает напиток слишком холодным, и от него сводит зубы. Его хочется выплеснуть в море, но, боюсь, что рыбам он не понравится.

Жарко. Если я сниму рубашку и останусь в белом купальнике, не будет ли это чересчур вызывающе?

Я всего лишь расстегиваю несколько верхних пуговиц и позволяю легкому бризу щекотать тело. Длинные светлые волосы слегка вьются, и я чувствую себя обворожительной красоткой из романтического фильма.

Здесь много шумных людей. Все веселятся и пьют такие же оранжево-красные коктейли из полосатых трубочек. Я свою выкинула сразу. Надо было выбросить и коктейль.

И урны я тут не вижу. Куда девать мусор?

Кручу головой и замечаю, как один мужчина смотрит на меня не отрываясь. Будто раздевает взглядом.

Он высок, у него чуть смугловатая кожа, коротко стриженные темные волосы и карие глаза. Его брови чересчур густые, прямо-таки черная лесная чаща, но внешности не портят, как и нос с заметной горбинкой. Одна бровь будто надорвана, под ней наверняка прячется шрам. Впрочем, сейчас важно не то, как этот мужчина выглядит, а его настрой. Он уже готов покорять сердца, а я желаю сдаться.

Подмигиваю ему. Он улыбается. Не широко, а еле заметно. Он понимает мой сигнал и идет в мою сторону, протискиваясь между веселящимися людьми. Чувствую себя школьницей. Чертовски привлекательной, развязной и готовой на все.

– Привет! – говорит он и смотрит прямо в глаза, а я не выдерживаю этого изучающего взгляда, смущаясь, закручиваю прядь светлых волос и пытаюсь прикрыть ею улыбку.

Мы говорим о какой-то ерунде: о том, что слишком жарко, солнце заставляет жмуриться и чересчур много людей во круг.

Он мне нравится. Я хочу его прямо сейчас и прикидываю, есть ли тут укромный уголок.

Цепляюсь за его последнюю фразу и предлагаю пойти туда, где будет потише.

Красавчик одобрительно ухмыляется и наконец берет ме-

ня за руку. Его ладонь прохладная – то, что нужно в жаркий день. Я не знаю его имени. Сейчас имена не имеют значения – мы просто наслаждаемся мгновением, и совсем не важно, что было до и что будет после. Радоваться без оглядки на прошлое и будущее – не это ли истинное наслаждение?

Слышу, как кричат чайки. Откуда они здесь? Берегов не видно, наше ослепительно белое судно окружает синее бескрайнее море. Взрывной хохот раздается справа, стук каблучков и бряцание посуды – слева. Здесь ресторан. Вижу круглые открытые окна, а за ними длинные прямоугольные столы. Люди едят, болтают и смеются. Всем весело.

Мне тоже!

Поворот, и я чуть не врезаюсь в белую стену. Хохочу и тут же прикрываю рот свободной рукой. Вторую крепко держит мой спутник.

Мы вбегаем в каюту с кроватью, накрытой бордовым покрывалом, и он вдруг останавливается. Лицо его серьезное, даже хмурое. Густые брови сдвинуты, и между ними пролегают вертикальные складки.

Он странно смотрит на меня, будто я не оправдываю его ожиданий.

– Где твой коктейль?

Ты разве пить сюда пришел, красавчик?

– Какая разница? Оставила где-то.

Не помню где.

Вешаюсь ему на шею и целую. Он холоден, как будто мы в

браке уже тысячу лет и сейчас он уйдет на работу, а я останусь дома варить борщ. Я не этого жду!

Шепчу ему, какая отличная тут кровать. Какое изголовье! На вид будто бархатом оббито. Мягкое наверняка. Он сопротивляется, пытается меня отпихнуть, убрать мои руки с его шеи и говорит, что пришел сюда не за этим. А за чем же, милый? Я видела, как ты меня рассматривал там, на палубе. Оценивающе, с интересом. Глаз с меня не сводил. Нет, я не отпущу тебя. Ты слишком хорош.

Он сдается и целует меня в губы совсем как надо: долго, скользя руками по спине. Я сжимаю его еще крепче. Теперь ты точно никуда не денешься! Чувствую, что он расслабляется, и немного отстраняюсь, чтобы запустить руку под его футболку. Подразнить. Он отталкивает меня не сильно, будто играет, и я распалюсь еще больше. Наконец он снимает с себя футболку, отбрасывает ее в сторону, снова впивается в мои губы, и мы вместе падаем на кровать.

Что это было? Эффект от цитрусового микса? Голова раскалывалась на тысячу частей.

Я пыталась проморгаться и избавиться от сонной пелены, все еще стоявшей перед глазами. Пришлось хорошенько потереть веки пальцами, чтобы окончательно отогнать цепкий мир грез. Все вокруг было красно-коричневым: шкафы, полки, прикроватная тумба. Даже на потолок не пожалели бордовой краски. У того, кто создавал интерьер этой ком-

натенки, были явные проблемы со вкусом и здравым смыслом. От этого темно-красного цвета тошнило. Я приподнялась на локте и увидела себя в большом зеркале, приделанном к дверце платяного шкафа. Алое покрывало пришлось натянуть до шеи, чтобы спрятать под ним наготу. Неужели я натворила дел прошлым вечером? Или днем. Или час назад.

Я обернулась. Возле меня лежал парень с широкой спиной и темными волосами.

Качало и мутило. Я пыталась вспомнить, где нахожусь. Боль в голове начала утихать. Бордовые полупрозрачные занавески не закрывали круглого окна, и оттуда в комнату проникал дневной свет.

Мы на корабле. Или на яхте. Короче – в море. А вот на этого мужчину я сама набросилась как голодная кошка. Не помню, чтобы я поступала так раньше: тащила в постель первого встречного. Какой стыд!

Мой кавалер обернулся. Он наверняка счел меня легкомысленной и доступной женщиной. Я отвернулась, чтобы не ловить его взгляд. Чувствовала я себя последней дрянью. Может, моя мать была права, когда называла меня гулящей?

– Как спалось?

– Нормально, – ответила я, пытаюсь скрыть за напускным весельем свою неловкость. – Не помнишь, куда я швырнула платье?

– Под дверью остались твои брюки.

Ох...

Я была в розовых брюках, обтягивавших мой почти идеальный зад, и легкой рубашке в мелкую клетку. Минималистичный белый купальник валялся посреди комнаты на бордовом ковре.

Мне надо было одеться, а мужчина никак не отворачивался. Я совсем не помнила, что случилось между нами. Наверное, что-то неприличное. Но мне не хотелось скидывать покрывало и показывать незнакомцу обнаженное тело. Я ведь его совсем не знала. Помнила только его улыбку, густые брови, одну из которых рассек шрам, и глупый вопрос о коктейле. И правда, куда я дела эту оранжево-красную смесь?

– Тебе не надо умыться? – спросила я в надежде, что он уйдет в туалет, а я быстро схвачу свои вещи и как-нибудь под покрывалом нацеплю их на себя.

– Нет.

Не прокатило. Он смотрел на меня и, наверное, чего-то ждал. Нет-нет. Вчерашнее происшествие было разовой акцией. Тем более я ничего не помнила и не желала любовных развлечений. Извини, красавчик, тебе больше ничего не обломится.

– Отвернись, пожалуйста, – сказала напрямую.

Он отвернулся и подождал, пока я полностью оденусь.

– Я тоже отвернусь.

Пришлось отойти к круглому окну, за которым виднелось бескрайнее синее море. Оно выглядело слишком ярким и неестественно спокойным.

Чья это каюта? Никто не всполошится? Или я провела ночь с хозяином этой роскоши?

Он подошел ко мне, натягивая на ходу белую футболку.

– Что ты помнишь?

И что он хотел услышать? Похвалу своим мужским качествам?

– Почти ничего, – призналась я. Не помню, что на меня так подействовало и заставило прыгнуть вместе с ним в постель. И что будет дальше? Наши отношения на этом закончатся? Впрочем, никаких «отношений» я и не помнила. Мы целовались, рухнули на кровать, а потом проснулись вместе полностью обнаженные, и разум достроил недостающее событие.

Мужчина был серьезен, и от хмурого взгляда мне стало не по себе. Он использовал меня? Это, конечно, вряд ли. Я сама на него накинулась так, что стыдно вспоминать. Или он подумал, что я использовала его? Что теперь объявлю о своей беременности и требую половину состояния? Тоже бред! Я не стала бы рожать от незнакомца. То, что между нами произошло – досадное недоразумение. Он мне нравился, и я, наверное, легла бы с ним в постель, но не так быстро. Не на первой встрече!

Он отвернулся и зашагал к двери:

– Я тоже ни черта не помню.

Кажется, меня звали Ольгой.

– Михаил, – угрюмо ответил мой спутник, не оборачиваясь.

Мы шли сквозь веселящуюся толпу. Лица людей ничего не выражали, просто рот растягивался в подобие улыбки и из нутра вырывался смешок. Фразы ничего не значили. «Какой чудесный день», «как здесь весело», «скажу спасибо капитану и шеф-повару», «замечательный коктейль». Вот и все. Никто не говорил о каких-то делах, не обсуждал прошлое и не рассуждал о будущем. Все были здесь, в этом странном временном отрезке, откуда не видно ни прошлого, ни настоящего.

– Давно мы здесь? – я не знала, что и думать. С памятью явно что-то случилось. Вчерашний день всплывал в голове несвязными обрывками. Улыбчивый бармен протянул мне коктейль, и я пошла греться на палубу, а там заметила вот этого высокого и невероятно обаятельного красавчика. Когда он смотрел в мои глаза, внутри рождался шторм, который заставлял сердце неистово биться. Наверное, со мной случилось то, что называлось «химией». Интересно, он испытывал то же самое ко мне или нет?

– Я тут примерно четвертый день. Тебя вчера заметил.

– Как мы сюда попали?

Мой вопрос так и остался висеть в воздухе над залитой солнцем палубой. Михаил остановился.

– Ты когда-нибудь бывала в морских круизах?

– Нет, наверное.

Вообще-то, я не помнила, что случилось со мной в прошлом.

– Я тоже.

Мы оба не знали, что должны ощущать люди, находящиеся на корабле. Меня качало и мутило, не сильно, а слегка, будто накануне съела что-то не то, а потом еще и ночь не спала. Впрочем, ночью я могла не спать из-за вот этого мужчины. Когда думала о том, что между нами случилось, становилось неловко. Надеюсь, в том прошлом, которое я напроць забыла, в такие ситуации мне попадать не доводилось, и я не поддавалась дурацким сиюминутным импульсам. Я вроде бы из приличной полной семьи, где строгая мать контролировала каждый мой выход из дома. Нет-нет, я не могла вот так запросто лечь в постель с незнакомцем, пусть даже с очень красивым.

Солнце дарило тепло, и под его лучами клонило в сон. Внутри нарастала тревога и копились вопросы.

– Где моя каюта? – подумала, что спутник мне хоть что-то расскажет. Он ведь находился на корабле дольше, чем я.

– Ее нет. Здесь открыта только одна комната с красными шторами. Другие заперты. Еще есть ресторан и бар, где раздают коктейли. Люди меняются. Я уходил спать в бордовую комнату, а когда возвращался, публика была уже другая.

Людей вокруг было слишком много, и все они напоминали тупых зомби из фильмов про апокалипсис. И это слишком синее море вокруг. Неестественно яркое и чересчур спо-

койное. Разве оно должно быть таким? Михаил стоял напротив и рассматривал толпу.

– В коктейли подмешивают наркотик?

– Вряд ли, – Михаил сдвинул густые брови. – Все гораздо хуже.

Он что-то знал, но не хотел говорить? Что за идиотская игра? Я ведь совсем не помнила, как села на это судно, как собирала сумку или как покупала сюда билет. Что я хотела получить от этого путешествия? Как долго оно должно было длиться? День? Неделю? Две?

– Пойдем за коктейлями, – он схватил меня за руку.

Что за чертовщина? Я не стану снова лакать это пойло!

– Улыбнись что ли, на тебе лица нет.

А откуда же ему взяться? Он остановился, стиснул мою руку еще сильнее и проговорил в самое ухо:

– Люди вокруг ходят, улыбаются, что-то говорят, а внутри чувство, будто рядом кто-то есть. Тебе не кажется, что за нами следят? Те, кого здесь нет. Кто-то наблюдает за всем, что тут происходит. Может, этот кто-то даже знает, что мы будем делать.

Его слова прокатились по моему телу и оставили мурашки. Я будто постояла под ледяным душем. Зачем кому-то нужно за нами наблюдать? Что с того, что группка людей беззаботно веселится на яхте?

Бармен выглядел как робот: его глаза не выражали ничего, как и его лицо. Он брал стакан, протирал его и аккурат-

но ставил на стол. Без эмоций. Когда мы подошли, его губы расплылись в улыбке. Но не глаза. Они остались пустыми и безучастными. Он выдал нам по коктейлю и проговорил, что сегодня отличный день. После этого улыбка исчезла, и он принялся начищать стаканы. Может, спросить, как давно началась его смена?

Я и рта не успела раскрыть, как красавчик потащил меня к комнате с бордовой кроватью.

Если это сон, то все вполне логично: во сне чего только не привидится! А если нет, то я куда-то влипла.

Я вспомнила свое детство, юность и даже третьесортный университет, который кое-как закончила. Потом пошла работать секретаршей, но меня хватило только на полгода. А после – непроглядная тьма. Уволилась и, наверное, стала искать новую работу. Или нет. Вот здесь память превращалась в черную дыру. Мне было двадцать два года. Я не помнила, как отмечала двадцать третий день рождения. Предыдущие днюхи справляла дома, с матерью и отцом и неизменным тортом с дурацкими съедобными цифрами. Мать заказывала эти бисквитные горы, щедро сдобренные взбитыми сливками и кремом, у одной своей знакомой, и непременно поверх кремовых цветов стояли цифры. Я ненавидела все эти кулинарные изыски и каждый торт в отдельности. Мать не считалась с моими желаниями и отваливала кучу денег за то, что мне было не нужно. Меня бы устроил простой торт из магазина, ведь суть праздника состояла не в поедании вся-

ких дебильных блюд, а в совместном досуге. Подруг у меня не было. С несколькими я переписывалась в сети, но ни одну не рискнула пригласить домой, где царствовала моя мать.

Михаил щелкнул задвижкой. В комнате с красными шторами можно было запереться. Мы поставили коктейли на стол и задернули шторы поплотнее, чтобы никто не смог сунуть к нам любопытный нос.

Сколько на этом корабле тех, кто точно так же не в курсе, что происходит?

– Ты кажешься адекватной.

Спасибо! Именно это я и хотела бы услышать от кавалера на первом свидании. Ну или на втором.

– Ты тоже ничего, – буркнула я.

– Здесь нет камер. Я их не заметил.

– Что было ночью?

– Я спал. Наверное.

Вообще-то, меня интересовало, что было до того, как мы заснули. Успели ли мы пошалить, прежде чем вырубиться? Или он вправду ни черта не помнил?

В комнате не было ничего примечательного: кровать с прикроватными тумбами, платяной шкаф, письменный стол, две полки над ним и стул. Все в бордовых тонах.

– Здесь ничего нет, я уже несколько раз проверял, – проговорил Михаил, когда я начала рыскать по шкафам. Мне самой надо было убедиться, что тут никто ничего не оставил. Никаких подсказок. Я откинула алое покрывало, свисавшее

до пола, чтобы заглянуть под кровать, но наткнулась на два выдвижных ящика, которые тоже оказались пустыми.

– С каждым часом в моей голове появляются мысли, догадки, воспоминания, – начал Михаил, когда я присела на кровать. – Я почти вспомнил прошлую жизнь, которая была до этого корабля. У меня есть сестра, а у нее больной сын. – Он ходил взад и вперед по крохотной комнате: от окна к двери и обратно, рассказывая про свою сестру Катю и племянника и их непростую жизнь: постоянно приходилось доставать где-то деньги, брать в долг, и он старался изо всех сил помочь близким. – Нужны были деньги на операцию и лекарства. Я хотел их заработать и не знал как. Дальше – чернота. Не помню, чтобы где-то вкалывал. Сидел без работы, иногда ходил на собеседования. А ты что помнишь?

Я рассказала обрывки из своей жизни – те, которые, вероятно, предшествовали этой морской прогулке. Тоже сидела без работы в болоте, устроенным моей матерью. Она упирала на то, что с моими способностями (а вернее, с их отсутствием) я никому не нужна. Ни один нормальный работодатель меня не примет, потому что всем нужны рабочие лошади, а я не способна пахать. Потому что ленивая. Всей душой я желала выбраться из конуры, в которой жила. Может, этот корабль – своеобразный ад для тунеядцев? Однако котла и демонов я не заметила. Толпа снаружи не собиралась нас мучить. Люди просто смеялись и говорили друг с другом, не обращая на нас внимания.

– Тут есть странные помещения.

Его тон начал меня пугать. Он был слишком серьезен и сосредоточен на своих мыслях. Я еще в своих предположениях не разобралась, а он уже про странные помещения начал.

– Это чувство, будто тебя качает и немного мутит, какое-то странное. Фальшивое, что ли.

Меня мутило по-настоящему.

– Я думаю, – он остановился и посмотрел на меня в упор, не мигая и не отводя взгляда, – это все иллюзия, как будто сон наяву. Мы ощущаем запах мяса из ресторана, вкус дрянного коктейля, а на самом деле этого нет. Возможно, нет и коктейля. Не удивлюсь, если нет и тебя.

Я была вполне реальна!

– Все вокруг – обман. Солнца, неба, моря нет. Нет этих пустолицых людей. Ничего нет. Есть только иллюзии. Что-то происходит в наших головах. В моей голове. Мы встретились в каком-то измерении, далеком от привычной жизни. Возможно, наша привычная жизнь – тоже иллюзия.

Он не выглядел сумасшедшим и говорил убедительно. Я верила каждому его слову! Не могли же мы вдвоем сойти с ума!

– Послушай, – подскочил он ко мне и сильно сжал мои предплечья. – Прошу, запомни адрес моей сестры. Если я не выберусь, найди ее.

И он продиктовал адрес раз пять, чтобы я точно его за-

помнила. Мы с ним были из одного города. Лесная улица, тринадцатый дом, квартира на третьем этаже, из лифта налево. Да запомнила я уже, отцепись!

– Я хочу посмотреть, что за белой дверью.

Он резко разжал руки, и я чуть не завалилась на кровать.

Куда же мы вляпались? Я никогда никому не причиняла вреда. Некому было надо мной издеваться, пытаться или устраивать такие эксперименты с иллюзиями.

Я самая обычная девушка с огромной дырой в памяти, которая хочет понять, что здесь происходит.

Мы шли к злополучной белой двери. Я озираясь по сторонам и растягивала губы, изображая улыбку. Будто мне тоже весело. Вообще-то, стало любопытно, что за дверь взбодорила моего спутника. Он выглядел крепким мужчиной, и я чувствовала себя рядом с ним в безопасности. Надеюсь, он сможет дать отпор, если на нас кто-нибудь нападет. Сама я дралась последний раз в школе, классе в пятом, с мальчиком, который мне нравился. Он любил толкать меня так, что я падала, и приходилось давать сдачи: замахиваться и со всей силы бить его по спине своим миниатюрным кулаком.

Люди вокруг не представляли опасности. Они просто болтали, иногда бросая на нас пустые взгляды, и смотрели не на нас, а сквозь.

Белая дверь была на одном из нижних ярусов. Неприметная, узкая, с круглой хромированной ручкой и незапертая.

Михаил уже туда заглядывал и увидел длинный коридор. Зайти туда в одиночку он не решился. А я будто обладаю суперзнаниями и являюсь мастером спорта по борьбе! Красавчик, ты что-то перепутал. Давай пойдем в ресторан и посмотрим, не дают ли тут креветок. Может, на этом судне не так уж плохо. К чему это любопытство? Нас никто с корабля не гонит, нам никто не угрожает. Мы же должны куда-то приплыть в итоге!

Он был настроен решительно и хотел знать, что там за белой дверью. Я желала оставаться в безопасном месте, но он убедил меня, что ничего страшного не произойдет. Возможно, все вокруг – сон, мы проснемся и забудем всю галиматью, которую сочинил уставший мозг. А если все вокруг реально, то вряд ли нам причинят вред, ведь кто-то невидимый допускает, что народ будет веселиться, а не страдать в пыточных камерах.

Дверь поддалась сразу, без единого скрипа. Мы прошли в тесный коридор и закрыли дверь, отрезав веселящихся людей, морской воздух и солнце. Пахло хлоркой, как в больницах. Стены и свет тоже напоминали лечебное учреждение. Лампы светили так ярко, что пришлось прищурить глаза. Мы быстро дошли до конца прямого коридора и уперлись в еще одну белую дверь. Она тоже была не заперта.

Мне подумалось, что мы попали в какие-то технические помещения, где рано или поздно должен был появиться мужик в тельняшке и разразиться ругательствами на двух иди-

отов, которые зашли туда, куда им заходить не следовало.

Я стояла за спиной Михаила и прислушивалась к звукам нового места. Было тихо. Он приоткрыл дверь, осторожно вышел и потянул меня за собой. Мы очутились в длинном широком коридоре с множеством дверей. Возле стен стояли обитые оранжевым дерматином диваны и черные журнальные столики. В ближайшем к нам конце коридора было окно, а за ним черная решетка. Мы метнулись посмотреть на мир за этими стенами и увидели асфальтированную стоянку, освещенную несколькими фонарями, где легковые автомобили ждали своих хозяев. Никакого моря, чаек и солнца. Шел дождь, и было темно. Мы находились на втором или на третьем этаже.

И ни души!

Что-то стукнуло сзади, и я резко обернулась. Никого не было видно, но чьи-то голоса раздавались совсем близко, за одной из ближайших дверей. Мне не хотелось ни с кем встретиться и выспрашивать, что тут происходит. Я схватилась за Михаила и увидела, что на нем сероватая пижама: мягкая рубашка и штаны. На мне было такое же одеяние. Мы беглецы. Психи!

– Сюда, – он потянул меня в сторону двери с большим стеклом, за ней оказалась спасительная лестница.

– Эй!

Я увидела мужчину в белом халате, метнувшегося в нашу сторону с другого конца коридора.

Мы бежали вниз. Сердце колотилось с бешеной скоростью. В голове мелькали предположения. Я больна? Слетела с катушек из-за своей матери? А этот красавчик? Что с ним не так? Он казался нормальным. А я?

Заорала сирена.

Лестница гудела от топота преследователей. Я бежала так быстро, как могла. Сколько людей желали нас поймать? Не меньше десятка! У них есть пистолеты? Шприцы с какой-нибудь дрянью?

Дверь в самом низу оказалась закрытой. Лавина звуков нарастала, топот и гул голосов усиливались. Я схватилась за голову дрожащими руками. Что делать дальше? Кто мы? Михаил дернул дверь пару раз, но она не поддавалась. Он отпихнул меня к стене и ударил по двери ногой. Она распахнулась, что-то звякнуло, и на нас дыхнула холодом темная дождливая ночь.

Мы выскочили на мокрый асфальт в мягких кедах. Далеко впереди виднелся забор высотой не меньше двух метров, за ним – чернота. Михаил крикнул: «Беги!»

Я кинулась через пустую автостоянку, машин было мало. Они остались за спиной. Нигде не спрятаться, на этой асфальтированной площадке мы как на ладони. Наши преследователи уже высыпали на улицу. Их голоса были пугающе близко. Слишком близко.

Раздался хлопок, я пригнула голову. Шлепок заставил сердце ухнуть.

Я обернулась и увидела, что Михаил распластался на асфальте. Только дернулась в его сторону, но тут же сообразила, что ему не выбраться: он лежал не двигаясь. Люди в белых халатах приближались.

Рванула к стриженным кустам, высаженным на клумбе посреди стоянки. Раздался второй хлопок, я споткнулась и чуть не завалилась на асфальт, но быстро поднялась и погнала изо всех сил к забору.

На решетки можно было взобраться. Никакой колючей проволоки или острых наконечников я не увидела. Влезла на самый верх, перекинула ногу и взглянула туда, где остался мой друг. Его уже окружили, а меня почти нагнал молодой мужчина в белом халате. В оранжевом свете фонарей блистали его очки. Я оцепенела и чуть не слетела с забора. Он остановился. В его руках не было оружия, электрошокера или шприца – ничего, что помогло бы ему меня остановить. Я упала в мокрую траву на той стороне и снова взглянула в его сторону. Он был уже у забора и мог бы меня схватить за пижаму, если бы просунул руку через забор. На секунду я замешкалась, глядя в его худое лицо, по которому стекала дождевая вода. К нему бежали двое в белых халатах, и мне следовало делать ноги. Этот молодой врач просто смотрел на меня, не призывая остановиться и давая мне возможность удрать.

Я метнулась в лес, но ноги путались в сырой земле среди веток и высокой травы. Фонари и ругательства преследо-

вателей летели мне в спину. Как долго я еще продержусь? А если начнут стрелять? Выберусь ли я? Мысль, что где-то должны быть люди дала мне немного сил.

Ладони болели. То ли я ушибла их, когда слетела с забора, то ли разодрала об ветки. Я шла вперед, но понимала, что долго так не протяну и спряталась за широкий ствол черного дерева. Впереди меня ждала чернота, сзади – неизвестность. Я не понимала, откуда сбежала, и что эти люди в белых халатах от меня хотели. Куда девался корабль? Он был иллюзией?

Я выглянула из-за ствола. Было слишком тихо. Эти мужики, видимо, не стали мараить белые халаты и пошли в обход. Мне следовало выбираться из этого черного леса. Где-то же должен быть свет!

Я закрыла лицо руками, чтобы глаза успокоились и привыкли к темноте. Когда я опустила руки и посмотрела вперед, то увидела, как вдали мелькнул свет фар, машина пронеслась где-то совсем рядом. Спасение было близко! Следовало брать себя в руки и двигаться дальше, пока меня не нашли эти обезумевшие доктора. Еще одна машина пронеслась где-то впереди. Я пошла на звук и вскоре выбралась на дорогу.

Выглядела я ужасно: грязная мокрая пижама, кеды все облеплены землей, спутанные волосы. Любой здравомыслящий человек должен был отправить меня туда, откуда я сбежала. Я попыталась отряхнуться, но только лишь размазала

землю по мятым мокрым штанам. Теперь я точно похожа на сумасшедшую!

Свет фар разрезал темноту, легковушка ехала небыстро. Я смело шагнула на дорогу. Может, если машина переедет меня, я проснусь в теплой постели и подивлюсь тому, что мне привиделось.

Не знаю, что со мной произошло. Я либо больна на голову, либо в опасности. Что предшествовало той дьявольской прогулке на корабле? Почему я ничего не помнила? Меня могли похитить и чем-то накачать. Иначе как объяснить ненастоящее море?

Желтая машина с шашечками на крыше остановилась возле меня. Водитель опустил стекло.

– Трудный день? – спросил он, когда я осторожно подошла к пассажирской двери.

Я кивнула. Говорить не могла. Водитель предложил сесть, и я залезла в машину на заднее сидение, стараясь не сильно запачкать салон. Меня лихорадило. Я замерзла. Ноги промокли, одежду тоже залило дождем.

Мы поехали по дороге, сжимаемой деревьями. Редкие фонари не выхватывали ни знаков, ни построек. За окном были деревья, лес и дорога с белой прерывистой полосой посередине.

В салоне было тепло, и я немного согрелась.

– Куда едем? – спросил водитель.

В моей голове не нашлось адреса. Где я жила раньше? Я

помнила город, саму квартиру, но напрочь забыла, на какой улице находился мой дом. Даже не помнила района, где жила, магазинов или каких-то примечательных построек. Что стояло возле моего дома? Торговый центр или парк? Память молчала.

Я помнила адрес сестры Михаила. Лесная улица, дом тринадцать, первый подъезд. Все. Были ли у меня тети и дяди, где они жили? В моей памяти образовались пугающие дыры. Почему в голове застрял только адрес сестры красавчика, которого я толком не успела узнать? Неужели я чем-то больна? А может, не стоило сбегать? Пить кисло-сладкий коктейль под ярким солнцем лучше, чем сидеть в грязной мокрой пижаме, ехать в неизвестность и надеяться, что тебя хотя бы выслушают.

Мы въехали в город, и дома с черными окнами оживили несколько воспоминаний из далекого детства. Я видела широкую улицу, по которой мы с матерью ходили в гости к каким-то ее подругам. Лавки мелькали в черноте, а трехрожковые фонари, стоявшие между ними, освещали пустой тротуар.

– Который час? – спросила я. Голос дрожал, меня по-прежнему трясло.

– Половина десятого, – ответил водитель.

Я потерла предплечья, стараясь сжаться в комок, успокоиться и согреться.

Мало кто гулял по темным улицам, прямо как во време-

на моего детства. Это в последние годы город разросся, понастроили в нем жилых домов и торговых центров. Кутить можно было всю ночь до утра.

Я увидела вход в парк. За большим забором деревья стояли близко друг к другу, и могло показаться, что там вовсе нет дорог. Но они были. Это я помнила. Я любила этот парк с его укромными беседками и тихими тропами и часто гуляла там с подругой или одна. Мать ненавидела это место, поэтому я пряталась там от ее чрезмерного контроля, отключая телефон или сбрасывая ее звонки.

Водитель свернул в переулок, и я с ужасом подумала, что мне нечем платить. У меня не было с собой ничего, кроме дурацкой пижамы и грязных кедров.

Машина остановилась.

– Простите, мне нечем заплатить, – виновато проговорила я и вцепилась в ручку, чтобы сбежать.

– Считайте, что я заработал плюс в карму, – отшутился водитель. – Я живу в соседнем доме.

Судя по голосу, он и вправду был добрым человеком. Я поспешила выйти, пока этот человек не передумал. Впрочем, по моему внешнему виду и так было понятно, что денег у меня не имелось.

Я осталась одна возле подъезда с огромной черной дверью. Где-то далеко шумели машины. Фонари окрашивали все вокруг в оранжевый цвет. Тропа пролегла через палисадник и уходила в черноту.

Я подошла к подъезду. В это мгновение из него выскочил какой-то угрюмый парень в толстовке и даже не взглянул на меня. Я юркнула в подъезд. Совсем не хотелось звонить в домофон и пытаться на весь двор объяснить, кто я такая и что мне нужно.

Я и сама не знала, зачем пришла к этой незнакомой женщине.

А вдруг она здесь не живет? Или случится так, что она куда-нибудь уехала. В санаторий. В больницу. У нее ведь больной ребенок.

Я поднялась по лестнице на третий этаж и нашла нужную дверь. Осталось позвонить.

Нажала на черную круглую кнопку и услышала громкий перезвон, похожий на птичью трель. Что я скажу? Кто я? Зачем пришла? Из миллиона вопросов выделялся один: почему ничего не помню? Я надеялась, что люди по ту сторону двери дадут ответ на этот вопрос. Кто бы там не находился.

Дверь распахнулась, и я растерялась.

Темноволосая женщина одной рукой придерживала дверь, а другой уперлась в косяк. Она была красива, даже очень. Как ее брат. Лицо узкое с высокими скулами, тонкие губы и огромные карие глаза. Сперва она осмотрела меня сверху вниз, а потом снизу вверх, взгляд ее остановился на моих глазах и парализовал язык.

Я опустила голову и стала разглядывать ее ноги в серых тапочках на танкетке, соображая, что же сказать, чтобы эта

женщина меня впустила и выслушала. Да, выглядела я крайне паршиво. За полчаса, что ехала в такси, мокрая пижама не просохла, а кеды по-прежнему были облеплены землей. Не догадалась их обтереть об траву.

– Вы Екатерина? – это все, что я смогла выговорить.

– Да, – ответила женщина, и по интонации, уместившейся в одном коротком слове, было ясно, что она не в духе. Я бы на ее месте тоже была не в духе.

– Мне о вас рассказывал Михаил, ваш брат.

Она все еще смотрела на меня и, скорее всего, прикидывала, какую службу вызывать. Я сама чувствовала себя больной на голову, которой и вправду место в лечебнице.

– Я просто хочу поговорить, – промямлила, подняв глаза и снова встретившись взглядом с этой остролицей красавицей.

– Входите.

Женщина отступила и дала мне зайти в прихожую. Я приготовилась говорить с ней возле двери. В подъезде слишком сильно дуло. Не так, как на улице, но в квартире было заметно теплее. Я надеялась, что перестану по-идиотски дрожать и смогу рассказать странную историю про корабль и встречу с Михаилом.

– Разувайтесь и проходите.

Женщина закрыла дверь, но замок не провернула. Я хотела убедить ее, что не причиню ей вреда, но подходящих слов не нашла. И ноги подкашивались.

Я сняла грязные кеды и стянула мокрые носки, которые

до побега, скорее всего, были белыми. В гостиной стояла серая мебель. Что-то темнее, что-то светлее, но все – серое. Даже большой диван, на который очень хотелось упасть, был серым, но моя одежда не сияла чистотой, и сесть я не решилась.

– Садитесь.

Женщина бросила плед на диван. Ее движения были точными и грациозными, как у ягуара. Внутри меня затаился непонятный страх. Я боялась того, что эта красотка начнет осуждать меня, не даст высказаться и прогонит из своего дома.

Просторная комната была поделена на две зоны: гостиную, где я мялась возле дивана, и кухню. За диваном стоял большой стеклянный стол с четырьмя стульями, а за столом – кухонный гарнитур с черными глянцевыми фасадами.

Я села на тонкий плед из флиса серого цвета с черными и красными квадратами. Просто божественно мягкий плед! Я бы в него завернулась, но это было бы неприлично. Ноги налились свинцом. Или отекли. Или уже отвалились. Паршивое ощущение.

Екатерина отошла к стенке напротив дивана, где часть полок была открыта, и на них стояли книги, вазы и сувениры. Наверное, сюда планировали повесить телевизор, но так этого и не сделали.

На одной из полок стоял снимок, где Михаил держал на руках мальчика лет семи, к ним прильнула Екатерина. Они

улыбались. Эта женщина умела улыбаться. Но сейчас она не выглядела столь беззаботно, как на фото.

Женщина, от которой так и веяло холодом, стояла, спрятав руки в карманы домашних штанов. Этот ее простой костюм и тапочки на танкетке никак не вязались с острым суровым лицом. Она смотрела на меня, а я не знала, с чего начать, и мяла грязными пальцами мягкий плед. Я чувствовала себя зайцем, попавшим в капкан, который так и не дожидется охотника. Его сожрет хищник.

– Михаил мне не брат. Это он вам так сказал?

– Да...

Я была удивлена и растеряна. Все мои планы и надежды на помощь основывались лишь на том, что Михаил приходился братом этой женщине.

– Он мой муж.

Шок. Вот что я испытала. Как хорошо, что не успела проговориться, что мы были близки. Впрочем, с этой женщиной совсем не хотелось болтать.

– Простите... – я закрыла лицо ладонями, соображая, что говорить и делать дальше. Только бы не смотреть в эти глаза. Я ощущала на себе ее взгляд, она всматривалась в каждую складку моей мятой пижамы.

– Вы сбежали.

Это было утверждение. Я кивнула.

– Не помню, как оказалась в больнице.

– Это не больница.

Екатерина прошла за диван к кухне, где в черных фасадах отражался свет от люстры. Три белых блика отпечатались на гладких дверцах верхних шкафов. Здесь было неудобно. Вся эта черно-серая обстановка, в которой обитала странная женщина с пугающим взглядом, вызывала только одно желание: сбежать. Знать бы куда!

Она что-то знала о том месте, где находились мы с Михаилом. У меня не вовремя пересохло во рту и никак не получалось выдавить и слова. Да и что я ей скажу? Как соблазнила ее мужа? Она взглянет на мою мятую пижаму, грязные руки и не поверит ни единому слову. Эта женщина была гораздо красивее меня. О таких густых и вьющихся волосах, как у нее, я могла только мечтать.

– Хотите чаю?

Угукнула, но проходить «на кухню» не решилась. И так диван уже испачкан. Ужасно хотелось пить. Не чаю, а просто воды, но я побоялась озвучить свое желание. Чай помог бы мне согреться. Надеюсь, эта женщина не хранит в шкафах кухни какие-нибудь яды или снотворное, а если и хранит, то не станет их использовать сейчас. Я ведь совсем беззащитна, не смогу даже оттолкнуть ее.

Зашумел электрический чайник. Екатерина потерла шею обеими руками, на ее лбу обозначились горизонтальные морщинки. Сколько ей лет? Явно за тридцать. Может, ей тридцать пять. Она не молода, но красива. Ее красота и восхищала, и пугала одновременно. Я боялась ее мыслей, слов

и того, что она могла сделать. Эта черноглазая красотка наверняка хотела позвонить куда-то, чтобы незваную гостью увезли туда, откуда она сбежала.

Она опустила руки на стол и посмотрела на меня. Ее взгляд впился в меня, и я будто ощутила физическую боль, идущую из груди. Эти глаза и голос были такими знакомыми.

– Наш с Мишей сын болен. Он говорил, что у него есть сын?

– Говорил.

– Он хотел заработать на лечение. Нужна была огромная сумма. Срочно. Где достать такие деньги, мы не представляли.

Чайник щелкнул. Екатерина достала одну чашку, бросила в нее заварку и залила кипятком. Заостренные черты ее лица мне кого-то напоминали. Будто я когда-то видела кого-то очень похожего на эту женщину.

– Был один способ достать много денег быстро и законно. Мы все обсудили. Условия были непростыми, но сейчас многие обращаются в этот Институт.

Екатерина взяла чашку и принесла ее мне.

– Осторожно, горячий, – она поставила чашку на журнальный столик перед диваном. – Суть в том, что Миша заключил контракт на два года. Он полностью отдал свое тело в распоряжение Институту. С ним проводят опыты, какие-то испытания.

Меня трясло. Я все-таки накинула плед на плечи, а он пре-

дательски сполз до локтей.

– Мы хотели сбежать вместе, но его поймали.

– Деньги нам уже перевели, теперь ему нужно выполнить свою часть контракта. Осталось несколько месяцев. Это не так уж много.

Она говорила спокойно и убедительно. Ее слова могли оказаться правдой.

– А как же я?

– На вашем браслете есть метки.

Она подошла ближе и посмотрела на мой браслет, который я раньше не замечала.

– У вас контракт на три года. Здесь есть даты. Вам осталось отслужить еще два.

Я не помнила ничего ни об Институте, ни о контракте.

– Вы пошли на это добровольно. Не знаю, что вас заставило, но вы сами отдали свое тело Институту.

Не помню!

– Ваш чай, наверное, уже остыл.

Я взяла в руку чашку, и приятное тепло окутало ладони. Внутри была жидкость темно-красного цвета. Рука дрогнула, чашка качнулась. Несколько капель упали на серый ковер и оставили бордовые следы.

Я не хочу это пить! Это не чай!

– Вы должны вернуться, вы еще не исполнили условий контракта.

– Мне нужна помощь, – я вернула чашку на стол.

– Случился какой-то сбой, вы не должны были сбегать. В Институте разберутся.

– Я не хочу туда возвращаться. У меня нет умирающего сына.

Я осеклась, поняв, что высказалась слишком резко. Екатерина выглядела спокойной, но в ее глазах полыхал огонь справедливого гнева. Мне не следовало к ней приходить.

– Вы уверены, что нет? – подалась она в мою сторону, я вжалась в диван. – А вдруг есть? Вы сами подписали контракт. Вы должны его исполнить!

Почему мне нужны были деньги? Зачем я решила отдать три года своей жизни? Что произошло?

– Я отправила сообщение, пока заваривала чай. За вами скоро приедут.

Меня обдало холодом. Единственное, чем я успокаивала себя, что снова увижу Михаила и мы опять будем искать ответы на вопросы вместе. Он ведь остался там, «в Институте». И пусть он женат, я это переживу и не стану больше вешаться ему на шею. Он был нужен мне как союзник, попавший в ту же ловушку, что и я.

Раздался звонок. Я вскочила и уронила флисовый плед на пол.

– Сидите.

Я положила плед на диван и села. Екатерина открыла дверь, тихо поздоровалась и вернулась ко мне. Она снова встала перед диваном, у стенки с полками, на одной из кото-

рых стояла фотография. Я обернулась и увидела того молодого мужчину в очках, который почти нагнал меня у забора. Теперь на нем не было белого халата, и в темно-серой ветровке и черных джинсах его можно было бы не узнать. Но я узнала.

– Пока вас не забрали, хочу кое-что спросить. – Женщина отвернулась и взяла фотографию с полки. – Какого цвета ваш браслет?

– Красный, – ответила честно я и встала. Слабость в теле чуть не вернула меня обратно, но я посчитала, если буду стоять на ногах, то смогу защитить себя.

Не знаю, зачем она спросила про браслет. Она ведь сама на него смотрела и даже трогала три минуты назад.

– Ты еще не готова.

Она обернулась ко мне. Ее взгляд был холодным и знакомым, будто я не просто видела эту женщину, а была с ней на ты. Может, иногда заходила к ней, в эту квартиру, сидела на этом диване, брала книги с этих полок. Я почти вспомнила, как пялилась на свое отражение в черном фасаде кухонной тумбы, сидя на полу и прислушиваясь к шагам. К ее шагам.

Я почти вспомнила! И в тот же миг почувствовала мертвую хватку: мужчина прижал меня одной рукой к своему корпусу. Шею пронзила острая боль. Этот человек мне что-то вколол. Сердце выдало бешеный ритм. Я перестала чувствовать руки, потом онемели ноги, только колотилось сердце в груди. Мужчина ослабил хватку и посадил меня на ди-

ван, его взгляд оставался безучастным. Он выпрямился и куда-то отошел.

Женщина смотрела на меня, и ее лицо оставалось неподвижным. Ее большие черные глаза не моргали.

– Я просто хотела узнать... – язык меня уже не слушался, и я не смогла договорить. Просто хотела понять, что со мной произошло.

Доктор сзади придерживал мои плечи. Я пробовала шевелить пальцами рук, но получалось плохо, в голове крутились вопросы, на которые никто не мог ответить. Эти двое, что находились в этой комнате, не собирались мне ничего объяснять. Они оба хотели меня просто вырубить.

Что со мной будет? Где правда, а где ложь? Где я проснусь в следующий раз и проснусь ли вообще? Контракт закончится, и меня отпустят? Смириться с этим и ждать? Похоже, у меня не было выбора. Не в ту минуту. Я отчаянно пыталась сопротивляться до последнего, но раствор завладел всем телом и добрался до мозга. Хотелось спать. Пальцами рук шевелить уже не получалось. В глазах начало двоиться. Я изо всех оставшихся сил разлепляла тяжелые веки. Дышать стало тяжелее, будто из комнаты ушел весь воздух. Екатерина подошла ближе, взяла мое лицо в свои ладони и прошептала:

– Засни, тебе будет легче.

И после этих слов я провалилась в черноту.

2

Перед глазами стоял туман, а в нем угадывался нечеткий силуэт человека в белом халате. Тело не слушалось. Во рту все пересохло, ужасно хотелось пить. Я не могла выговорить ни слова, а только медленно открывала и закрывала глаза. Чернота чередовалась с размытым лицом какого-то доктора. Он навис надо мной, и я попыталась понять, кто это.

– Ольга, просыпаемся, – отчеканил врач.

Я глубоко вздохнула, и, наконец, все вокруг стало четким. Белый потолок переходил в белые стены. Все было белым, до рези в глазах. Светло-серые жалюзи закрывали окно, но сквозь вертикальные полоски пробивался дневной свет.

Рядом стоял доктор. Тот самый, который вколол мне в шею какую-то дрянь. На нагрудном кармане белого халата висел бейджик, который следовало разглядывать разве что с помощью лупы. Или бинокля. Врач выглядел молодо. Ему на вид было лет тридцать, не больше. Очки придавали важности узкому лицу. Он был слишком худым, и было бы не плохо, если медсестра принесла бы пару бутеров: для меня и моего врача.

– Ваш контракт подошел к концу. Я буду сопровождать вас в течение всего периода реабилитации, – говорил доктор шаблонные фразы, словно автомат, и тыкал кнопки на каком-то приборе возле моей головы.

Кучка заученных словечек. Контракт.

Что-то пикало. Не удавалось повернуть голову из-за при-сосок и проводов, соединяющих меня с белой коробкой. Желтая лампочка на ней то загоралась, то гасла. Медсестра ходила практически бесшумно, я видела иногда ее голову с черными волосами, собранными в тугой пучок.

Я подписала какие-то бумажки. Мне что-то было нужно.

– Память будет возвращаться постепенно. Отдыхайте. Я найду к вам через пару часов.

Врач ушел, оставив меня с медсестрой, которая пошуршала чем-то возле моего уха и тоже удалилась, не проронив ни слова.

Я желала стать свободной и поэтому отдала всю себя Институту на долгие годы. Стоило ли оно того?

В палате я была одна. Лежала на кровати и смотрела в белый потолок. Кроме приборов, стула и стола ничего не имелось. Ни шкафа, ни тумбочки. Где же мои вещи?

Я ощущала голод, смятение и разочарование. Не могу сказать, какое чувство в тот миг преобладало.

Ко мне два раза заходила медсестра и оба раза спрашивала, как настроение. Паршивое, если честно, но отвечала, что все в порядке, чтобы казаться вежливой. Медсестра выдавала неискреннюю улыбку и уходила. Мать всегда отчитывала меня за резкие словечки, брошенные мной ее подругам, нагло влезавшим в мою жизнь. Они вечно спрашивали, когда я выйду замуж или найду нормальную работу. Это их не каса-

лось, и я возвращала вопрос про замуж шестидесятилетней разведенке Ирине, тучной и страшенькой бабенке, у которой уже родился внук. Она выдала дочь замуж, едва той исполнилось девятнадцать, и очень этим гордилась. И внуком тоже. Сама же эта бабенка родила в сорок и вечно причитала, как тяжело поднимать детей, когда ты уже старуха. А я не желала, чтобы кто-то совал свой любопытный нос в мою жизнь. Мать тоже не имела права туда лезть. И вот я вспомнила об этом сейчас, когда медсестра нарушила мое одиночество и спросила про настроение. Спросишь в третий раз, милочка, отвечу правду и пошлю тебя. За едой хотя бы.

Желудок начал урчать. Мне кто-нибудь принесет поесть?

Доктор зашел через два часа, как и обещал. Он был чрезмерно любезен и представился Дмитрием Игоревичем. Фамилию я не запомнила.

– Как вы себя чувствуете?

Может, сказать ему правду?

– Нормально, – ответила я и попыталась улыбнуться. Актриса из меня никакая. Медсестра и то улыбалась лучше.

– Вы помните день, когда подписали контракт? – доктор подвинул стул ближе к кровати и сел. Его лицо не выражало искреннего интереса, наверняка этот вопрос он задавал всем своим пациентам. Он раскрыл мою медкарту, щелкнул ручкой и приготовился записывать все, что я выдам.

– Смутно.

– Что именно вы помните?

А вы-то помните? У вас за последние несколько лет наверняка произошла целая куча событий. Толпа таких же, как я, пациенток и пациентов, опыты, статьи в научных журналах, конференции и все в этом духе.

– Вы помните, на что вам нужны были деньги?

Ах, контракт...

Помню, что хотела сбежать. Я только окончила университет и устроилась на работу, где платили копейки. С такой зарплатой снимать жилье не получалось. Да чего уж там говорить! Я не могла купить себе одежду, приходилось занимать у родителей. Мать давала денег и считала, что теперь я обязана ей подчиняться. Кто платит, тот и заказывает музыку – так говорят. Отец зарабатывал немного и отдавал все матери. Иногда в день получки мне удавалось перехватить немного денег у него. И ему я возвращала в первую очередь, хотя он этого не требовал. Чего нельзя было сказать о матери. Во время ссор, которые случались у нас почти каждый день, она упрекала меня, что я неблагодарная сволочь. Столько заработанных тяжелым трудом денег было на меня потрачено, а я выросла такой неправильной. Мне хотелось иметь свой угол. Несколько полок в шкафу и письменный стол с кроватью – это все, что в нашей однушке считалось моим. Причем мать регулярно наводила порядок в моих вещах: в одежде, письменных принадлежностях. Иногда она брала мою косметику, шариковые ручки и как-то раз забрала дамскую сумку, которую я купила на свои деньги. Иногда

мать выбрасывала мои книги, ведь они занимали чересчур много места, рвала на тряпки футболки, потому что, на ее взгляд, они изнашивались. Мои кремы я часто замечала в мусорном ведре, пахли они, видите ли, чересчур плохо.

Я просто хотела пойти своей дорогой, а для этого требовались деньги. Много денег! Я не знала, как можно заработать столько, чтобы снимать сносное жилье, покупать еду и все необходимое. Наверное, молодой девушке стоило подумать о хорошем замужестве и найти обеспеченного мужика, но я не нашла. Было неинтересно встречаться с мужчинами и оценивать толщину их кошелька. Я желала избавиться от тирана в лице матери, а не менять одного тирана на другого. Да и с личной жизнью не клеилось. Мать донимала расспросами про каждого, кто на меня всего лишь взглянул. Она хотела, чтобы я вышла замуж, но при этом звонила мне по пять раз в час, когда я выходила из дома.

Прощу ли я когда-нибудь ей то, что она нагло вошла в мою личную жизнь и разбила отношения с мужчиной, который был мне дорог?

Я встречалась с ним всего два месяца, но за это время мать успела вымотать все нервы мне и ему. Однажды выследила нас и устроила ему допрос прямо посреди улицы. Ей хотелось знать, чем он занимался, где и сколько зарабатывал, собирался ли на мне жениться. Я стояла рядом и хотела провалиться сквозь землю! Она не слышала моих криков и призывов прекратить бессмысленный разговор. Может, я и сама

бы поняла через неделю или две, что этот парень – не мой человек. Но в ту минуту я ненавидела мать и готова была на все, чтобы вырваться из-под ее контроля.

После того случая я несколько раз звонила своему мужчине. Он больше не хотел со мной встречаться. Я ревела, но понимала его. Он мог сбежать, а я нет.

Или могла?

Однажды, когда мать крепко заснула и мне захотелось получить иллюзорную поддержку в социальных сетях, я увидела объявление со счастливыми мужчиной и женщиной, где возле их улыбающихся лиц большими красными буквами было написано «Осуществи свои мечты».

Конечно, я уже слышала об Институте. Попыты, которые в нем ставили на добровольцах, двигали науку вперед и помогали разрабатывать новые лекарства. Публикации о проведенных исследованиях печатались в журналах мирового уровня, их читали ученые из других стран и тоже делали для нашего мира много хорошего. Подопытные получали сказочное вознаграждение. Всего-то и требовалось отдать несколько лет своей жизни.

Я хотела собственную квартиру. Оформили документы быстро. Я даже успела съездить в нее пару раз и дать указания по поводу ремонта. Она была такой огромной и абсолютно серой. Все квартиры в новостройках продавали такими: с бетонными стенами и отсутствием каких-либо признаков жизни.

Вознаграждение получаешь сразу, авансом. Деньгами Институт не расплачивается никогда. Он оплатит ваши счета на лечение, купит вам квартиру, дом или машину, но хрустящих бумажечек вы не получите.

Одна из моих однокурсниц взяла академотпуск, чтобы отдать этот год Институту и получить крохотную студию на окраине рядом с вонючей свалкой мусора. Она расписывала в красках, как здорово стать причастной к великим исследованиям да еще и получить вознаграждение. У меня не было иллюзий насчет науки и моего в ней участия. Я хотела свое жилье, а Институт предлагал самый простой вариант по его приобретению.

Был пунктик, что пока надо мной будут ставить опыты, Институт подыщет аккуратных жильцов, сдаст им мою квартиру и двадцать пять процентов от выручки будет перечислять на мой счет. К пробуждению в моей собственности окажется квартира и счет на кругленькую сумму. Это предложение казалось выгодным, ведь я трезво оценивала свои возможности. Денег у меня не водилось. Квартира и небольшой капитал стали бы хорошим началом моей самостоятельной жизни.

Мать устроила скандал, обвинила в том, что я хочу сбежать от надуманных проблем. По ее мнению, я каталась, как сыр в масле. Она же меня полностью обслуживала: готовила, убирала. Всегда после ссор с ней я чувствовала себя редкой дрянью. Хотела сама себе готовить еду. Вредные макароны

или магазинные котлеты. Но к кухне мать меня не подпускала, чтобы я не испортила ее любимую сковородку с каким-то идиотским покрытием. Я хотела больше простора для своей жизни. Без ее упрекающих взглядов, без постоянных телефонных звонков с вопросами, где я и с кем. Я полагала, что всему виной наша маленькая жилплощадь. Разве можно построить нормальные отношения с близкими, если вы с ними уютитесь на сорока квадратных метрах?

Помню, как переделалась в белую сорочку, которая была на пять размеров больше, чем нужно. Помню врача. Да, именно этого. Слишком молодого и чрезмерно худого. Я тогда подумала, что ко мне прислали практиканта, чтобы он отработал на мне какое-нибудь задание. Он будто выучил фразочки заранее. В его словах не было искренности, он просто говорил то, что в него сунули наставники или учителя. Ведь есть кто-то, кто готовит таких врачей-роботов к тому, что придется лить в уши подопытным подслащенную водичку, чтобы эти самые подопытные почувствовали свою значимость. Мне было плевать на науку. Я желала получить то, что помогло бы начать собственную жизнь.

Все медсестры были чересчур вежливыми, как будто я спустилась с небес и удостоила их, холопов, своим вниманием. В глубине души я понимала, что отдаю гораздо больше, чем получаю.

Я отдала время. Семь лет своей жизни.

Семь! Сперва я хотела отдать только три, но потом поду-

мала, что однокомнатной квартиры в пригороде мне будет мало и лучше взять просторную трешку в новом районе с красивыми дворами, парковочными местами, лавочками и детскими площадками. Я много размышляла о том, сколько лет отдать, и так до конца не определилась. Три года – это не так уж много. Вечно улыбающаяся девушка-администратор, сошедшая с обложки глянцевого журнала, убедила меня, что лучше один раз вложиться и взять квартиру, в которой я проживу всю оставшуюся жизнь. Ведь однушку потом придется менять на что-то побольше. Опять придется вкладываться. А так за семь лет я получу прекрасную просторную квартиру в удобном новом районе. Наверное, этой улыбавшейся красотке выдавали премии за каждого клиента, который согласился отдать больше, чем собирался. Я ведь планировала завести семью когда-нибудь в будущем. Когда очнусь после оговоренных в контракте лет, сделаю карьеру и найду подходящего мужа. В трех комнатах проще воспитывать дочь или сына, ведь у нас не возникнет разногласий из-за того, что у ребенка нет своего угла. Я согласилась отдать семь лет своей жизни.

Многие знакомые говорили, что пойдут в Институт и так заработают себе на жилье или на учебу за рубежом. На выпускном вечере моя соседка по парте объявила, что уже подписала контракт, и через три года получит малогабаритную двушку недалеко от центра. Жилье не новое, поэтому так дешево: всего три года. Деньги, которые накапают с аренды

она планировала пустить на ремонт. Больше я ее не видела. Увижу ли когда-нибудь?

Парень из параллельной группы, который был мне симпатичен, ушел в Институт на пять лет, чтобы получить место в одном из крутых университетов за рубежом. Не помню, в каком. Да и не важно это теперь, когда прошло столько лет.

Где же мои друзья? Удастся ли их найти? Ведь теперь у них своя жизнь с осуществленными материальными мечтами, в которой мне уже нет места.

Доктор что-то рассказывал про Институт и про важность исследований. Наверное, ко мне прислали работа, который выдает каждому пациенту один и тот же набор слов.

– У вас наверняка возникнут вопросы, – сказал зануда, поднявшись со стула. – Я к вам зайду вечером.

– Я тут буду ночевать? – вырвалось у меня. А как же мой новый дом? Разве меня не отпустят прямо сейчас?

– Вам нужно пройти короткий курс реабилитации. Нам следует убедиться, что с вашим здоровьем все в порядке, и вы должны узнать, как изменился мир.

Ну мир я могу изучить и без тебя, док. А про здоровье мне и самой было интересно. Когда я подписывала контракт, то не вчитывалась, что со мной будут делать. Улыбчивая девушка-администратор пояснила, что после окончания контракта я очнусь с ощущением, будто все семь лет спала. Я и вправду чувствовала, что спала слишком долго, как во время болезни, когда спишь с температурой днями и ночами.

Только не было облегчения, как при выздоровлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.